
РЕЦЕНЗИИ

НЕЛИНЕЙНЫЙ МИХАИЛ СТРИГИН

**Михаил Стригин. Нелинейная любовь.
Челябинск: Библиотека Миллера, 2019.**

Образная система, ритмическая организация, существование внутри рифмованного стиха — все это у поэта Михаила Стригина увязывается оригинально и порой неожиданно в целую (и цельную!) философскую систему. Вот это вроде бы не должно удивлять: Стригин как философ (а он философ!) великолепно представляет себе положение, почти аксиому, о том, что стихотворение есть сгущенная информация. Спрессованная, сжатая подчас до невероятной плотности интеллектуального и эмоционального вещества. Стригин к этому стремится, это видно и слышно в стихах, но делает он это (и это отрадно) не сознательно, не «по плану», а абсолютно естественно: феномен натурального рождения произведения на свет, его зачатия в любви и в тайне здесь неоспорим.

В своей новой книге «Нелинейная любовь» поэт сталкивает нас сразу с неожиданностью названия — самого символа-знака, обозначающего то, что сокрыто под обложкой. Нелинейная любовь, по сути, это формульное обозначение нелинейного времени. По представлениям древних иудеев, время двояко: вечное, Божественное, Божие время — это «олам», огромная субстанция (нечто вроде лемовской планеты Океан в «Солярисе»), громадный котел, и времена варятся в этом одном немыслимом котле вечности. Нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего; вернее, они есть все сразу, все вместе. Есть незыблемое время, и Вселенная находится внутри него, как внутри

яйца. А рядом — дискретное время, так называемое линейное. Пресловутая стрела времени. Она четко направлена из прошлого в будущее, и на этой стреле все уже узнаваемо, все разложено по полочкам, все можно вычислить, и события и даты; невозможны только две вещи: нельзя вернуться в прошлое и нельзя попасть в будущее. Есть, как буддисты говорят, здесь и сейчас.

Так вот, НЕЛИНЕЙНАЯ ЛЮБОВЬ Стригина — это грандиозная формула поэзии; и всей поэзии, в контексте истории, и конкретно стригинской. Подспудно или явно, но в книге тема времени возвращается рефреном:

Интуитивно чувствуешь, сколько прошло времени,
По привычным нюансам: по сердцебиению,
По дыханию,
По октавам сверчка, пылинки порханию.

Но внутри колышется более тихое —
Паутинка, натянутая портнихами,
Трещинка в монолите течения,
От которой исходит глухое свечение.

Нелинейно и само пространство, где одушевляется старый роддом, что видел на своем веку множество вновь явившихся на свет человеческих жизней:

На впалых щеках старого роддома
Щетиной пророс многолетний мох.
Роддом до бетонных ребер в груди усох.
Кто-то торопится, ставит диагноз — саркома,
Ему живучесть наших роддомов незнакома.
(За последним — не один еще вздох.)

Это сопоставление, столкновение времен («ему живучесть наших роддомов незнакома...»), внутри которых здание равно человеку, боль равна судьбе, а человек, соответственно, равен, равновелик времени, одновременно настораживает, даже пугает и вместе с тем обнадеживает: все в мире не так примитивно и просто, как нам удобно думать.

Стригин запросто «путает» пространство и время, одушевленность и неодушевленность, свет и тишину, цвет и звук; у него звук может поплыть запредельной краской, а тишина обратиться то ли в ветер, то ли в свет, то ли в легкое дыхание:

А скорлупа становится плотнее,
Свинцом налившись в вышине.
И тишиной такой в лицо повеет,
Что солнца хочется вдвойне...

И снова время земное становится временем мифологическим, соединяются в незримом объятии привычная земля и мифологический Рай, и слишком близко, слишком рядом ставит нас Стригин с мифологемой Рая, отнюдь не для того, чтобы мы заново подивились старинной роскошной райской «сказке», а сполна восчувствовали настоящесть и истинность бытия, сгущенного, «залитого» внутрь древнейшего ситуативного иероглифа:

Время призадуматься —
Лист упал в раю.
Спи, родной, укутайся,
Баюшки-баю.

Пусть не обманет чуткое ухо, внимательный глаз и открытое сердце эта традиционная интонация колыбельной, еще немного — и просто даже лермонтовской ритмики: это стихотворение — опять о времени, но здесь автор напрямую сталкивает время с вечностью:

Время тихо капает,
Плавится свеча.
Распустилась маками
Вечная печаль.

А Рай здесь — для того, чтобы человек, ощутивший с болью, горечью и неизбежной печалью свою временность, сиюминутность пребывания на земле, внезапно и бесповоротно соотнес себя с вечностью — все через ту же печаль, ибо, по мысли Федора Тютчева, вся подлинная русская поэзия печальна.

Стригин создает свой мир — бестрепетно повторим этот трюизм; так говорят обо всех авторах, обо всех художниках, творцах. Здесь не погресишь против истины: да, каждый человек — простите за банальность — это уникальный мир, это неповторимый Космос, и что сокрушаться, что вчера он родился, а завтра навек уйдет, ведь у него все равно вечность — в хромосомах, в генах. У него в запасе та любовь, что не на фоне быта, не мечтою — в будущем, а опять в сопряжении времен, во временных неразгаданных буквицах:

Вспоминанья — руны Бога,
Помогут вычитать любовь!

У Стригина в русской поэзии есть предшественники. Он не отрекается от корней. Он по-пастернаковски подробен, его тоже привлекает «всесильный Бог деталей, все-сильный Бог любви», он по-обэриутовски странен и даже парадоксален (а разве сам человек не есть парадокс нелинейного времени?); но его поэтическое мышление — это мышление поэта XXI века, с его тягой к мегаодушевлению, к увеличению образных масштабов, к овеществлению и визуализации образных фракталов, к гротесковому сопоставлениям и контрастам, к ансамблю несочетаемого:

Венеция опять в предчувствии инсульта,
Как будто тромбы — толпы праздные людей.
Качает карнавал строенья, словно судна —
Десятибалльный ежегодный шторм страстей!

Огни для праздника украли в преисподней,
Мигая, движется упавший Млечный Путь.
В канал стекает вечер, час приходит поздний,
Пандоры ящик собираясь распахнуть.

Кто же такой поэт Михаил Стригин? (Он пишет прозу, но о его прозе разговор в другой раз.) Перед нами, это ясно, «парадоксов друг». И его поэтику нельзя с ходу обвинить

в излишнем интеллектуализме. Стригин знает цену песне и молитве, мифу и видению, традиции и обычаю. Но он несомненный новатор. Его новации плодотворны. Они идут не только и не столько от его духовных и интеллектуальных поисков (а это есть — куда же он убежит от себя — философа?..), но и от утонченности эстетики и от истинности и искренности чувства, над которым так часто смеялись в ушедшем веке, к примеру, иронисты и постмодернисты. Он не забывает: искусство — это чувство. Да будет и дальше так.

Поэтому пусть будет — здесь и сейчас, внутри уходящего мгновения — у читателя НЕЛИНЕЙНОЕ ПОСТИЖЕНИЕ стригинских любви и трагедии, печали и обреченности, надежды и упрямства, хаоса и Космоса.

Елена КРЮКОВА